

**ЛЕВ НИКИТОВИЧ ШЕСТАКОВ (26.03.1937 — 31.05.2009):
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЖИЗНИ**

Ненавижу слово «некролог»: оно для меня страшнее смерти. Уже в самом его звучании есть что-то ужасно неприятное. Соединение же этого слова с именем Льва Никитовича Шестакова кажется мне в высшей степени противоестественным. Не любил он официальщины, не имел желания показать себя публике или просто сообщить ей что-либо о своей персоне. Знаю людей, которые в предчувствии скорой кончины сами писали о себе некрологи и эпитафии. Одним из них был, например, Томас Джефферсон. Лев Никитович, если бы имел такую возможность, скорее попросил бы не докучать публике известием о своей смерти. Он мечтал о тихой, незаметной для посторонних глаз жизни где-нибудь в глухой деревушке рядом с лесом, рекой или озером. В последний год он иногда говорил, что устал от всего, и от жизни в том числе. Я думаю, это была усталость не от жизни, а от окружающего мира. У нас обоих было одинаковое ощущение, что происходящее вокруг — самый настоящий дурдом. Разница была лишь в том, что я считал этот дурдом постройкой временной, а он — постройкой навсегда. И когда я возмущался чем-то на факультете или в стране, он спокойно говорил мне: «Володя, послушай меня, старика: береги свое сердце! Все уже разрушено, и ничего поправить невозможно. Следовательно, нет никакого повода для волнений». Я слушал его и думал про себя: не все разрушено, если есть такие люди, как он. Сейчас жалею, что так и не сказал ему об этом вслух. Да и не только об этом. Так обидно, что не сказал — ведь какая была бы ему моральная поддержка!

А он поддерживал меня уже одним своим существованием.

Самое поразительное и горестное для меня в нашем времени — это не государственная катастрофа, которую мы все еще переживаем, но крушение человеческой личности. Как стремительно уходят из людей совесть, ум, идеалы! Как сдуваются из-за этого людские души, превращаясь в мелкие душонки! Какими же невзрачными стали преподавательские коллективы! Лицемерие друг перед другом, раболепие перед начальством, масса глупостей и проявлений полной бессовестности — вот типичная картина вузовского ученого совета. Для чего они только собираются? При таком нравственном состоянии так называемой вузовской интеллигенции самая оптимальная для учебного заведения форма правления — это фюрерство.

Лев Никитович Шестаков был человеком, который в постигшей наше отечество государственной и человеческой катастрофе сумел сохранить в себе и ум, и совесть, и прежние свои идеалы. Многие из интеллигентов успели за последние два десятилетия побывать и «преданными» коммунистами, и «последовательными» антикоммунистами, «идейными» либералами («либерастами», как их в просторечии называют) и кое-кем

еще. Лев Никитович во все эпохи — и в советский период, и в момент крушения СССР, и во времена разгула антикоммунизма и либерализма — оставался верным своим коммунистическим убеждениям. Правда, эта верность была в нем скорее преданностью идеалу сильного российского государства, построенного на принципе социальной справедливости, чем верностью собственно идее коммунизма. Он любил стихи Сергея Есенина и особенно его строки о любви к России, самые, пожалуй, проникновенные в русской поэзии. И это литературное пристрастие в полной мере гармонировало с его политическими взглядами. Я почувствовал это, когда мы разговаривали с ним о переиздании книги Ф.И. Кожевникова «Русское государство и международное право (до XX века)» — глубоко патриотичного произведения (оно вышло в свет под редакцией Л.Н. Шестакова в издательстве «Зерцало»).

Лев Никитович гордился тем, что в науку международного права, которую он много лет преподавал на юридическом факультете МГУ, огромный вклад внесли российские правоведы. Именно по его предложению издательство «Зерцало» выпустило в 2005 г. новым изданием фундаментальный труд В.Э. Грабаря «Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917)». В 2007 г. в том же издательстве была издана книга Л.А. Камаровского «О международном суде». Инициатором и ответственным редактором данного издания стал Л.Н. Шестаков. Он считал профессора Императорского Московского университета графа Л.А. Камаровского одним из столпов русской науки международного права. Подобное же отношение было у Льва Никитовича к российскому правоведа Ф.Ф. Мартенсу. Его двухтомный труд «Современное международное право цивилизованных народов» был переиздан по инициативе и под редакцией Л.Н. Шестакова в 1996 и 2008 гг. Мы намеревались вместе с ним осуществить переиздание и составленного Ф.Ф. Мартенсом 15-томного «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», которое вышло в свет в 1874—1909 гг. Надеюсь, этот замысел будет все же осуществлен, но без Льва Никитовича, в высшей степени добросовестного и эрудированного ученого, знатока истории международного права в России, сделать это будет очень трудно. Уважение к прошлому своего Отечества было характерной его чертой. Это чувство ярко проявлялось в нем и в том огромном пиетете, который он испытывал по отношению к названным российским правоведом и к своему учителю Григорию Ивановичу Тункину.

Лев Никитович всегда испытывал некоторое неудобство, когда его называли профессором (по всей видимости, оттого, что не имел степени доктора наук). Я вспоминаю, как при подготовке к новому изданию книги Г.И. Тункина «Теория международного права» он вычеркнул в стоявшей на титульном листе фразе «Под общей редакцией профессора Л.Н. Шестакова» слово «профессора». Я попытался возражать, но Лев Никитович твердо сказал: «Не надо», и я уступил, хотя считал его настоящим универ-

ситетским профессором. Он в полной мере соответствовал этому высокому званию, потому что был человеком ума и совести.

Во времена, когда распадаются государства и рушатся нравственные устои общества, такие люди в особой цене. Они не борются со злом, не воюют с врагами, они просто живут и сохраняют в себе человека. Они — сосуды утекающей из общества человечности, хранители самых простых и в то же время высокочисленных духовных ценностей, без которых не может существовать ни общество, ни государство, ни какой-либо людской коллектив. Оставаться человеком при любых и самых бедственных обстоятельствах — это во все времена, а в наше жестокое время в особенности, есть наиболее эффективный способ борьбы с общественным злом, самый верный путь спасения своего Отечества от распада и гибели. К сожалению, путь этот — как дорога по минному полю, которую нельзя пройти без потерь.

Владимир Алексеевич Томсинов

Любя и помня начинаю каждый день —
Любя и помня...
Прозрачна памяти причудливая сень
И безгреховна.
Жизнь без тебя на склоне сирых дней
Все молчаливей,
Как детства улица пуста без фонарей
В осеннем ливне.
С тобой проститься было мне не суждено —
Не получилось...
Но наше прошлое опять во мне взошло —
Вот как сложилось.
Чрез стынь завьюженной морозами зимы
Прошу: «Откликнись!»
Но берега реки разлук опять немые,
Как будто свыклись
С тем, что любимых мы зовем издалека
Протяжным эхом,
И отвечает нам беспечная река
Беспечным смехом.
Опять взмахну рукой забвенья кораблю
В пустом затоне.
...Ты только верь, что я всегда тебя люблю,
Люблю и помню.

Ирина Мюллерсон